

<...> Бесконечно раздутое понятие „быт“ — удобный мешок, куда можно бросать все, что не нужно...»

Критике 1960–70-х понадобилось много времени, чтобы понять, что за воспроизведением быта совр. города скрыто осмысление «вечных тем», того, что составляет сущность человеческой жизни. В применении к творчеству Т. оправдались слова одного из его героев: «Подвиг — это понимание. Понимание другого. Боже мой, как это трудно!»

Книга о народолюбцах «**Нетерпение**» (1973) воспринималась по контрасту с «городскими» повестями. Тем более что появилась она после первых трех из них, когда часть критики попыталась создать Т. репутацию всего лишь совр. бытописателя, поглощенного каждодневной суетой горожан, занятых, по определению писателя, «великими пустяками» жизни.

«Нетерпение» — книга о террористах XIX в., нетерпеливо подталкивающих ход истории, готовящих покушение на царя, погибающих на эшафоте. Главный герой «Нетерпения» — Андрей Желябов — и в исторической прозе остается характерным трифоновским персонажем. Он проходит путь от стремления понимать жизнь к отказу от этого понимания, к желанию переделывать жизнь согласно собственным представлениям о ней. Так путь героя оказывается путем к насилию над жизнью. С другой стороны, Т. постоянно возвращался к мысли, что «в повседневном, в быту есть свои народолюбцы и Маресьевы, есть свое бескорыстие и свои подвиги... свои великие и малые предательства». Так что «Нетерпение» оказалось в ряду «городских» повестей не случайно. Его связывает с ними стремление Т. не просто зафиксировать происходящее здесь и сейчас, но отыскать корни и причины совр. событий в истории. Герой повести «Другая жизнь», историк, выразил то, что больше всего занимало самого писателя: «Он искал нити, соединявшие прошлое с еще более далеким прошлым и с будущим... Человек, говорил он, никогда не примирится со смертью, потому что в нем заложено ощущение бесконечности нити, часть которой он сам».

Об ощущении слитности прошлого и настоящего написан роман «**Старик**» (1978). В нем в одной жизни оказались взаимосвязаны история и на первый взгляд как будто не имеющая к ней отношения, исчезающая бесследно в суете повседневности, поглощенная сама собой современность. «Старик» — роман об уходящих людях и уходящем, исчезающем, кончающемся вместе с ними времени. У персонажей романа пропадает ощущение

себя частью той бесконечной нити, о которой говорил герой «Другой жизни». Эта нить, оказывается, обрывается не с окончанием жизни, но с исчезновением памяти о прошлом.

Уже после смерти писателя в 1980 были опубликованы его роман «**Время и место**» и повесть в рассказах «**Опрокинутый дом**». В 1987 ж. «Дружба народов» напечатал роман «**Исчезновение**», который Т. писал много лет и не успел закончить.

«Время и место» начинается вопросом: «Надо ли вспоминать?» Последние произведения Т. стали ответом на этот вопрос. «Время и место» писатель определил как «роман самосознания». Это определение можно применить ко всем его последним книгам, в которых он стремился, «изображая человека, вытащить все его внутренние слои, все слои, которые в нем уже перемешались, слились каким-то образом в единое целое». Писатель снова и снова обращался к памяти, запечатлевшей прожитое время, ушедший мир. Последние книги оказались поэтому более автобиографичными, чем предшествующие им. Повествование в них, входя в новые психологические и нравственные слои, приобрело более свободную форму.

Начиная с повестей 1960-х — почти за 15 лет — Т. оказался одним из основателей особого направления новейшей русской литературы — т. н. городской прозы, в которой он создал собственный мир. Его книги объединены не столько общими, переходящими из одной в другую персонажами-горожанами, сколько мыслями и взглядами на жизнь и героев, и автора. Главной задачей лит-ры Т. считал отображение феномена жизни и феномена времени в их взаимосвязи, выраженной в судьбе человека.

Соч.: СС: в 4 т. М., 1984–86; Избранные произведения: в 2 т. М., 1978; Вечные темы: романы, повести. М., 1984; Отблеск костра: документальная повесть, роман. М., 1988; Как слово наше отзовется... Публицистика. М., 1985.

Лит.: Иванова Н. Проза Юрия Трифонова. М., 1984; Оклянский Ю. Юрий Трифонов: Портрет-воспоминание. М., 1987; Дедков И. Вертикали Юрия Трифонова // Новый мир. 1985. № 8; Мара-Соэл К. де. Юрий Трифонов и драма русской интеллигенции: [пер. с англ.]. Екатеринбург, 1997; Шитов А. Юрий Трифонов: Хроника жизни и творчества. 1925–81. Екатеринбург, 1997.

О. И. Козлова

ТРОПОЛЬСКИЙ Гавриил Николаевич (псевдоним Т. Лирвар) [16(29).11.1905, с. Новоспасовка (Новоспаское) Борисоглеб-

Г. Н. Троепольский

ского у. Тамбовской губ., ныне Воронежской обл.— 30.6.1995, Воронеж] — прозаик, публицист.

Родился в семье православного священника. Детство прошло в деревне, рано познал крестьянский труд. В школе второй ступени (с. Ново-Гольское Воронежской губ.) благодаря урокам Г. Р. Ширмы (будущий руководитель Гос. академической хоровой капеллы Белорусской ССР) приобщился к русской классике.

В 1924 Т. окончил трехклассное сельскохозяйственное училище им. К. А. Тимирязева в с. Алешки Борисоглебского у. Воронежской губ. и, не устроившись на должность агронома, пошел учительствовать в сельскую школу-четырёхлетку, преподавал до 1930. Т. начинает вести различные записи: охотничьи заметки-наблюдения, пейзажные зарисовки, картины повседневного крестьянского быта и т. п. В середине 1920-х Т. под сильным влиянием А. Неверова пишет рассказ (текст его не сохранился). Своим первым лит. опытом Т. не придавал серьезного значения. Веру в писательское призвание несколько укрепило знакомство с прозаиком Н. Н. Никандровым в конце 1920-х в с. Махровка, где Т. учительствовал. Никандров посоветовал Т. не бросать писательство, хотя, став младшим науч. сотрудником, а потом и заведующим Алешковским опорным пунктом, Т. ставит опыты по агротехнике и ведет сортоиспытания.

«Начинающим» писателем Т. стал, по сути дела, в возрасте 47 лет. В лит-ру Т. принес свою тему: «...боль за землю, за судьбу ее се-

ятелей и хранителей, за степной простор и высокое небо, за голубые жилки речек и шуршащие камыши...» (Топорков Вл. Рыцарь русского поля // Советская Россия. 1995. № 142. 30 нояб. С. 7). К началу 1950-х в активе Т. была лишь одна лит. публикация: рассказ «Дедушка» (Лит. Воронеж. 1937. № 1), который был подписан псевдонимом «Т. Лирваг» (если читать с конца: «Гаврил Т.»). Страдающий лит. заимствованиями рассказ тягостел и к назидательности. «Чем больше я перечитывал тогда рассказ,— вспоминал впоследствии Г. Н. Троепольский,— тем меньше он мне нравился, и я решил, что писателем быть не смогу» (Цит. по: Скобелев В. П.— С. 9–10).

Лишь спустя 15 лет автор не совсем удачного рассказа «Дедушка» изменил свое решение: Т., захваченный на рубеже 1940–50-х сразу несколькими замыслами, развернул работу над циклом рассказов «Из записок агронома». В нояб. 1952 Т. послал один из них («Никишка Болтушок») в редакцию ж. «Новый мир». Этот ж. и стал первооткрывателем Т.-художника. «Троепольский был агрономом очень серьезным, прекрасно знал опытное дело, коим была столь славна и даже знаменита дореволюционная Россия, практика же колхозно-совхозного строительства приводила его в недоумение, которое он и пытался с присущим ему юмором, с иронией выразить в литературе художественной. Твардовский его понимал очень — тоже ведь крестьянский сын, можно сказать, сельскохозяйственник» (Залыгин С. П. Прощай, новмирец... Памяти Гавриила Троепольского // Лит. газ. 1995. № 28. 12 июля. С. 3). Едва ли не все произведения Т. 1950–60-х (повести, рассказы, очерки, статьи) впервые увидели свет на страницах «Нового мира». Всю свою жизнь Т. был благодарен А. Т. Твардовскому за активное участие в его творческой судьбе. Он часто ездил к Твардовскому в гости, обсуждал с ним свои новые замыслы и получал от него дополнительную творческую энергию. После смерти поэта Т. нередко навещал его семью.

Цикл «Из записок агронома» («Записки агронома») состоит из 7 рассказов: «Никишка Болтушок», «Гришка Хват», «Игнат с балалайкой» (Новый мир. 1953. № 3), «Проخور семнадцатый, король жестянщиков», «Прицепщик Терентий Петрович», «Тугодум» (Новый мир. 1953. № 8; газетная публикация рассказа «Тугодум»: Молодой коммунар. Воронеж. 1953. 12 июля) и «Один день» (Новый мир. 1954. № 1). Впоследствии все эти рассказы («За-

писки агронома») были изданы отд. книгой, озаглавленной уже **«Прохор семнадцатый и другие»** (1954). Т. изображает колхозную жизнь без всяких прикрас — с ее реальными сложностями и противоречиями. Все персонажи цикла, и положительные, и отрицательные, выписаны Т. ярко, выпукло и психологически убедительно. «Записки агронома» стали своеобразным дополнением к «Районным будням» В. В. Овечкина (см. об этом: Виноградов И. И. В ответе у времени: Заметки о деревенском очерке пятидесятих годов. М., 1966). В. В. Овечкин не все принимал как в данном произведении, так и в творческой манере Т. (см.: Овечкин В. В. Статьи, дневники, письма. М., 1972. С. 26–28). Однако это обстоятельство несколько не мешало Т. с глубоким уважением относиться к создателю «Районных будней». Когда Овечкина не стало, Т. проводил его в последний путь добрыми словами (Прощальное слово // Подъем. 1968. № 1. С. 163–164; О Валентине Овечкине // Новый мир. 1968. № 9. С. 33–35).

В середине 1950-х Т. на основе «Записок агронома» был создан киносценарий **«Земля и люди»** (Лит. Воронеж. 1955. Кн. 36; фильм был снят режиссером С. И. Росточкин на киностудии им. М. Горького в 1955). В 1954 Т. стал членом СП СССР, переселился в Воронеж, где и жил до конца своих дней. К 50-летнему прозаику, автору всего лишь нескольких некрупных произведений, пришла всеобщая известность.

Последовавшие за циклом «Из записок агронома» близкие по материалу и проблематике рассказы **«Агрономы»**, **«Соседи»**, **«У Крутого яра»** (все — 1954) и **«Митрич»** (1955) раскрыли новые грани незаурядного таланта Т. и свидетельствовали о росте худож. мастерства писателя. А такие характеры людей труда, как Митрич из одноименного рассказа и Сеня Трошин («У Крутого яра»), стали подлинным открытием Т. Неоднозначность, психологическая многослойность этих образов рождали споры критиков.

Со второй половины 1950-х Т. работал над романом **«Чернозем»** (кн. 1-я — 1958; кн. 2-я — 1961), в котором рельефно воссоздана жизнь центрально-черноземной деревни с 1921 по 1930. Т. сумел внести немало нового в осмысление эпохи коллективизации. В центре повествования — семья Земляковых. Не закрывая глаза на ошибки, «перегибы» в процессе коллективизации, Т. рисовал общую драматическую картину крестьянской жизни. Роман завершался картиной первого колхозного сева: «Чернозем то поднимался

в мареве, то вновь опускался, дрожал в весеннем беспокойстве. Чернозем дышал! Но это было только начало, от которого вздрогнул весь мир и заговорил то тревожно и зло, то с радостью и восхищением. Одни называли это началом гибели, другие — началом новой жизни на земле» (С. Т. 2. С. 405). Многочисленные отклики на «Чернозем» были хотя и доброжелательными, но весьма сдержанными. Роман у Т. получился неровным. Известная «сухость» повествования, привкус схематизма, недостаточная разработка характеров, скудость психологического анализа, наличие явных переключек с «Поднятой целиной» М. А. Шолохова и «Девками» Н. И. Кочина — все это предreshило не очень счастливую читательскую судьбу «Чернозема». В поздние изд. романа (начиная с 1970-х) был внесен целый ряд изменений, призванных улучшить его худож. ткань.

В конце 1950-х — начале 1960-х Т. обращается к жанру повести. В 1958 он опубликовал повесть **«Кандидат наук (Повесть, отчасти сатирическая)»**, в которой обличаются невежды и приспособленцы в сельскохозяйственной науке. Т. широко использовал приемы злого пародирования и сатирические краски. Вопросы сатиры всегда волновали Т., суждения которого на сей счет имеют не только практическое, но и теоретическое значение (см.: **Поговорим о сатире** // Лит. газ. 1954. 25 нояб.; **Точная цель, ясные перспективы** // Подъем. 1961. № 4. С. 139–143; Сатирик: мне нравится быть лириком. На вопросы ред. отвечает писатель Г. Троепольский // Молодой коммунар. Воронеж, 1971. 20 нояб., и др.). К повести «Кандидат наук» примыкает «рассказ старого агронома» **«Странный сон, или Экзамен на здравый смысл»** (1960), где Т. ориентируется на традиции М. Е. Салтыкова-Щедрина (гротеск, фантастика и т. п.), развивает основные мотивы «Кандидата наук». Автору «Странного сна...» хочется, чтобы в жизни всегда торжествовали здравый смысл и справедливость.

Повесть Т. **«В камышах»** (1963), имеющая подзаголовок «Из тетрадей охотника», решена в ином ключе: в ней доминирует лирическое начало и воспевается красота родной природы.

В середине 1960-х на всю страну прозвучало публицистическое слово Т.: **«О реках, почвах и прочем»** (Новый мир. 1965. № 1), **«Сколько воды человеку нужно?»** (Правда. 1966. 4 сент.) и **«Об осушении и „осушении“** (Там же. 1966. 5 сент.). Эти «экологические» статьи прозаи-

ка вызвали большой общественный резонанс и заметно осложнили жизнь самому Т., посмевшему объявить войну чиновникам и губителям природы. Очерки и путевые заметки Т. конца 1950-х — начала 1960-х, в которых обсуждались различные проблемы сельского хозяйства и которые являлись своего рода «спутниками» его цикла рассказов «Из записок агронома». **«Думы о земле»** (1956), **«В глубинном районе»** (1958), **«Советь хлебопашца»** (1959), **«Дорога идет в гору»** (1961), **«Этого требует жизнь»** (1963), также привлекли к себе внимание читателей. Широкой известностью пользовался документальный очерк Т. **«Легендарная быль»** (1957), в котором речь шла о событиях Гражданской войны: в нем писатель пропел славу храбрым — погибшим и живым. Неоднократно в 1960-е Т. выступал в роли фельетониста: **«Розовая советь»**, **«Тернистая дорога, или Краткий обзор путей возникновения таланта»** (1963), **«Липа на тихой сосне»** (1964) и др. Очень многое связывало Т. с Воронежем, и он не мог не написать о родном городе.

На 66-м году жизни Т. опубликовал произведение, принесшее ему мировую славу, — повесть **«Белый Бим Черное ухо»** (1971), которую посвятил А. Т. Твардовскому. В своем лирико-философском и трагическом произведении Т. продолжил гуманистическую традицию русской классической лит-ры. История одной собаки, мастерски рассказанная Т., проникнута верой в победу добра и правды над злом и ложью. В уста Ивана Ивановича, хозяина погибшего Бима, писатель вкладывает знаменательные слова: «Неправда. И весна обязательно будет. И будут подснежники... В России бывают и зимы, и весны. Вот она какая, наша Россия,— и зимы, и весны обязательно» (СС. Т. 3. С. 316).

В 1975 создатель «Белого Бима...» стал лауреатом Гос. премии СССР. По повести «Белый Бим...» в 1977 был снят фильм (реж. С. И. Ростоцкий, киностудия им. М. Горького). Особое признание повесть получила и в Италии: в 1981 Т. были присуждены две премии (Премия Монца за одну из пяти лучших книг для слепых детей и Премия Банкаремино за лучшую книгу года для детей) и вручена золотая медаль «Фонда Леонардо да Винчи» (Флоренция). Повесть «Белый Бим...» переведена на десятки яз. и издана во мн. странах мира (см. об этом: Васильев В. Белый Бим на планете Земля // Подъем. 1985. № 11. С. 132–135). И по сей день она является самым известным и читаемым произведением Т. Воронежские скульпторы

Иван Дикун и Эльза Пак создали памятник, посвященный главному герою повести «Белый Бим Черное ухо».

Перу Т. принадлежит пьеса в 3 действиях **«Постояльцы»** (1971), которая построена на деревенском материале (о сельских тружениках, противостоящих бюрократам), и немногочисленные стихотворные опыты.

Т.— автор ряда критических статей; его выступления отличались глубиной литературоведческой мысли. Но эта часть наследия писателя не собрана, не обнародованы и письма Т. (в изд-ве «Современник» так и не вышел 4-й (последний) том СС Т., куда и планировалось включить критические работы, публицистические статьи, очерки, фельетоны писателя).

После «Белого Бима...», безоговорочно причисленного к отечественной лит. классике, писатель не опубликовал ни одного значительного худож. произведения. Это «молчание», объясняемое не только преклонным возрастом и ухудшающимся здоровьем Т., длилось почти четверть века. Однако известно, что он и в 1970-е, и в 1980-е, и в 1990-е продолжал писать. Невероятный успех «Белого Бима...» сделал его автора еще более самокритичным и заставил его «замолчать» на долгие годы. Автору хотелось во что бы то ни стало удержаться на уровне своей самой знаменитой книги: «Для многих идеи этой книги стали жизненным посохом. Но и для самого Троепольского повесть была тоже мерилом художественной правды, критерием мастерства. Может быть, поэтому он так и не решился опубликовать свой новый роман, боясь, наверное, заглушить мощное эхо, вызванное „Белым Бимом...“» (Топорков Вл. Рыцарь русского поля. С. 7).

Соч.: СС: в 4 т. М., 1987–1988. Т. 1–3; Соч.: в 3 т. Воронеж, 1977–78; Гавриил Троепольский: Верю в совершенствование человека / записала В. Помазнева // Лит. газ. 1980. № 5. 30 янв. С. 4–5; Повести, рассказы. М., 1982; Рассказы. Повести. М., 1985.

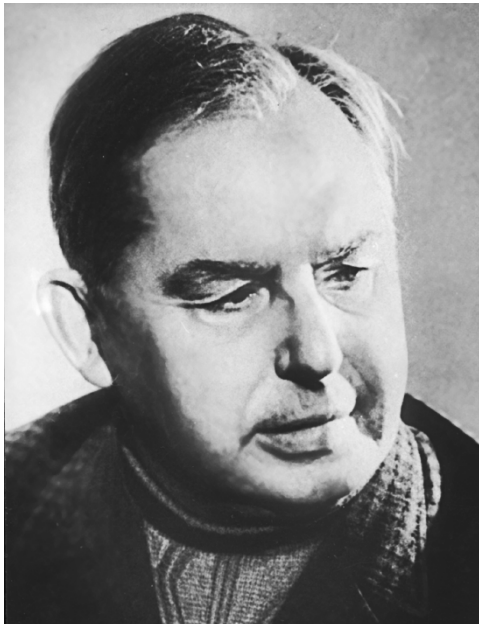
Лит.: Гавриил Николаевич Троепольский / сост. Н. Г. Захаренко // Русские советские писатели. Прозаики: биобиблиографический указатель. М., 1968. Т. 5. С. 191–198; Троепольский Гавриил Николаевич // Писатели Воронежа: биобиблиографический указатель / сост. Н. Ишутнинова; под общей ред. Н. Т. Стрельниковой. Воронеж, 1969. С. 151–159; Скобелев В. П. Гавриил Троепольский. М., 1969; Сурганов В. А. Тугие узлы // Знамя. 1971. № 2. С. 214–237; Бекедин П. В. О повести Г. Троепольского «Белый Бим Черное ухо» // Материалы науч. конференции студентов филол. ф-та ЛГУ. Л., 1972. С. 10–15; Канашкин В. А. Своя борозда: Заметки о творчестве Гавриила Троепольского // Кубань. 1973. № 3. С. 100–105; Г. Н. Трое-

польский: К 70-летию со дня рождения: указ. лит-ры / сост. Е. Я. Боброва; предисл. А. Гридчина. Воронеж, 1975; Дедков И. «В поле две воли...»: Проза Г. Троепольского // Наш современник. 1975. № 11. С. 157–166; Крылова Л. А. Урок внеклассного чтения по повести Г. Троепольского «Белый Бим Черное ухо» // Лит-ра в школе. 1979. № 1. С. 59–62; Семенов В. Служение правде // Наш современник. 1980. № 11. С. 184–186; Мущенко Е. Путь к себе // Подъем. 1982. № 6. С. 132–137; Горбачев Н. Слово старшего друга // Наш современник. 1985. № 11. С. 184–187; Ивановский Р. А. Творчество Гавриила Троепольского (Идейно-худож. проблематика, жанровая специфика): Автореферат канд. дис. М., 1986; Умер Г. Н. Троепольский // Коммуна. Воронеж. 1995. № 122. 1 июля. С. 1; Троепольский Гавриил Николаевич. [Некролог] // Лит. Россия. 1995. № 29. 7 июля. С. 15.

П. В. Бекедин

ТРЯПКИН Николай Иванович [19.12.1918, дер. Саблино Тверской губ.— 21.2.1999, Москва] — поэт.

Родился в семье крестьянина-столяра; в 1930 семья переехала в подмосковное с. Лотошино. Там Т. окончил школу и в 1939 поступил в Московский историко-архивный ин-т. Начавшаяся война резко перевернула ход его жизни; не попав на фронт по состоянию здоровья, Т. в числе эвакуированных оказывается в маленькой деревне под Сольвычегодском, где, работая в должности счетовода, впервые всерьез обращается к поэзии.

Н. И. Тряпкин

Природа и история Русского Севера способствовали пробуждению таланта Т., дали богатую пищу чувству и воображению. С той поры связь поэта с землей, с деревенским укладом, с обжитым уютом избы, подворья, околицы неизменно крепнет, и даже переезд впоследствии поэта в Москву не ослабляет ее.

Осенью 1943 Т. вернулся домой к родителям. Общественный подъем послевоенного «восстановительного» периода он переживал как «праздник своей поэтической молодости», что отразилось в его стих. **«Жизнь»** (1945), **«Воскресенье»**, **«Август зашумел»** (1946). В 1945 произошла встреча с П. Г. Антокольским, который одобрил первые опыты Т. и содействовал их публикации в ж. «Октябрь» (1946. № 11). Очень благожелательно отнесся к начинающему поэту Ф. И. Панферов, тогдашний редактор «Октября», о чем впоследствии не раз с благодарностью вспоминал Т. (**«Стихи о Федоре Панферове»**, 1979).

Т. умеет поэтически обживать разные эпохи, ладить с ними; даже во времена нелегких различать светлые тона, звонкие и бодрые звуки. Так отозвалось в его стихах первое послевоенное десятилетие, так создается у него «Грачей, ручьев и проводов / Предпосевная лирика», где находят свое место не только картины полевых работ, сельского быта, но и язык колхозных отчетов, газетных сводок — те самые «районные будни», о которых вскоре заговорила очерковая проза. При этом Т. заметно умерял нередкую в поэзии тех лет «мегафонную» громкость стиха, вносил в мажорные темы человечески-теплые ноты.

Открыв для себя в 1940-е Север, край «старика Зимогора», Т. глубоко прочувствовал его красоту, точно передал ее потемневшие от древности, от лесного сумрака, от печного дыма краски в цикле **«Пижма»** (1946). Отсюда ряд образов, лирических сюжетов расходуется по другим стихам, обогащаясь там новыми подробностями и оттенками (**«Песнь о зимнем очаге»**, **«Желание»**, **«Лесные загривки...»**). В подобных вещах многое восходит к творчеству Н. Клюева, у которого Т. учился видеть коренную Северную Русь, учился говорить о ней крепко вязанным, многоцветным словом. И позже оставался близок Т. «тот скрытник из Олонца», который лег, «замшелый, как валун, у колеи железного Егорья» — так иносказательно назван Клюев в стих. **«Предание»** (1973).

С 1953 выходят поэтические сб. Т.— **«Первая борозда»** (1953), **«Белая ночь»**